

Изъ прошлаго.

(Къ пятидесятилѣтнему юбилею служенія въ священномъ санѣ Макарія, Архіепископа Томскаго и Алтайскаго).

„Сей вѣрный рабъ Господа жизнью своей
Былъ дивенъ, какъ ангель во плоти;
Смиреньемъ сердечнымъ плѣнилъ дикарей,
Онъ кроткими сдѣлалъ невѣрныхъ людей,
У демона бывшихъ въ работѣ“.

(Изъ стихотв. свящ. Іоанна Ландышева).

— Вотъ онъ, Чемаль нашъ!—слабымъ голосомъ сказалъ больной миссіонеръ. — Люблю я красоту эту горную: тутъ каждая тропа знакома мнѣ вверхъ по Катунѣ до восьмидесяти верстъ и внизъ до пятидесяти по Чемалу, Куюмэ и Эликмонару; вездѣ красота Божія. Если у васъ душа природу любитъ, эту книгу Божию, то вамъ тутъ будетъ хорошо, братъ мой.

Тихо кашляя, больной внимательно взглядывался въ молодое красивое лицо, читая свѣтлую думу въ глазахъ юнаго монаха, заглядѣвшагося на далекія горы.

— Правда, жутко бываетъ иногда въ ночи ненастные: боръ шумитъ уныло въ лощинѣ за домомъ этимъ, гуль поднимается, точно грохочетъ бубень, завыванья слышутся дикія... въ Чемаль вѣрятъ люди, что это—камы поднимаются, и моему взору иногда представлялись смутныя тѣни, окружающія домъ... а вы такъ молоды.

— Вамъ, навѣрно, некогда было думать много объ ужасахъ этихъ?—улыбнулся мягкой улыбкой юный іеромонахъ.

Но старшій покачалъ головою.

— Я ко всему долженъ приготовить васъ: зимою, когда снѣга засыпаютъ Алтай, здѣсь мертвая

тишина стоитъ, даже Катунь замираетъ и бьется только въ полыньяхъ... жутко человѣку привычному... а вы — такъ молоды.

Но его пыливый взглядъ, устремленный на молодое лицо, освѣтился довольствомъ, когда его преемникъ произнесъ:

— Со мною Господь, — вѣдь я желалъ сюда ради любви и подвига... не бойтесь за меня: Господь — мой помощникъ.

— Такъ.. такъ.. вы правы: Онъ — помощникъ.. а люди, братъ мой, тутъ добрые, кроткіе, суевѣрные только до страсти: — всего невидимаго трепещутъ, бѣдныя темныя люди... Патмосъ мой посѣтитъ не забывайте: хорошо на немъ; тамъ кромѣ ропота Катуня голоса человѣческаго не услышишь, о камни она бьется мятежная, одна нарушая молчаніе пустыни... Придется вамъ бороться тутъ съ невѣжествомъ, лѣчить немощи тѣлесныя и духовныя... труда — сколько хотите будетъ, болѣзней — тьма: вѣдь, вы уже не первый годъ въ миссіи, знаете, какой они народъ нечистоплотный... особенно болѣзни глазныя развиты.. а чѣмъ лѣчутся, тоже, поди, извѣстно... я силы полагаю тутъ тринадцать лѣтъ, — за что зачтетъ Господь эти годы, Имъ однимъ зримые... мала еще паства моя... пока я лѣчусь ѣду, тутъ Іосифъ Александровскій будетъ, укажетъ вамъ оглашенныхъ: не много ихъ; вотъ бы надо вамъ съѣздить въ аиль за Тельдекменемъ; тамъ одна душа крещенія просить давно, вырваться сюда не можетъ, а я — слабъ и тоже не могъ ѣхать туда.

Онъ назвалъ аиль и сказалъ, что инородецъ Василій покажетъ о. Макарію путь.

— Это, пожалуй, сегодня нужно сдѣлать, — сказалъ тотъ живо. — Здѣсь пока требъ нѣтъ. Вы еще, о. Іоаннъ, соберетесь уѣзжать не завтра, и время мнѣ удобное... пойду я, отыщу Василія, лошадей, и скажите мнѣ имя этой души, спасенія идущей

-- Тортошь Манышевъ.. слабый человекъ, болѣзненный; надъ нимъ его младшій братъ, двѣ жены и дядя стоятъ, какъ темные духи... зимой онъ еще мнѣ сказалъ: „пріѣзжай за мной, абызь, моя душа устала вѣрить богамъ, уши не могутъ слушать камланья, мнѣ противны камы, но они меня не выпустятъ; пріѣзжай, увези меня и окрести“.

— Вотъ видите, стало быть нужно, чтобы я поѣхалъ не медля... сколько времени нужно ѣхать туда?

— До Гельдекменя отсюда верстъ сорокъ, потомъ еще верстъ двадцать до бома Кызыл-Отру, и у Белтыр-оэка, который впадаетъ въ Катунь, въ сторону немного, стоитъ аиль Манышева... красивыя мѣста: они любятъ селиться далеко и выбираютъ такіе уголки, что любоваться надо, другъ мой... вотъ и Василій, кстати.

Небольшой сухощавый скуластый инородецъ привѣтливо поклонился миссіонерамъ и, поговоривъ съ ними, пошелъ за лошадьми.

— Смотрите, осторожнѣе, отецъ Макарій, — спустя часъ напутствовалъ ихъ больной миссіонеръ. — Они въ гнѣвѣ могутъ причинить вамъ зло; темныя, невѣжественныя дѣти; и ночевать придется на дорогѣ: она пустынна, тутъ аиловъ нѣтъ... развѣ послать съ вами Александровскаго?...

— Не заботьтесь, пожалуйста, никого не нужно: мы одни.

И береговою тропой по Катуні они поѣхали вверхъ, все далѣе и далѣе стремясь отъ Чемала.

Сперва они говорили, а потомъ замолкли, потому что приходилось напрягать голосъ: такъ грохотала рѣка. До самыхъ сумерекъ, не останавливаясь, они продолжали путь, слушая ея пѣсни, и, немного свернувъ съ дороги, ночевали на какой-то рѣчушкѣ—подъ камнями скалистаго и лѣсистаго берега безъ палатки, и утренній разсвѣтъ рано поднялъ ихъ.

— Скоро Тельдекмень будетъ... то мѣсто, гдѣ богатыри когда-то мостъ строили,—говорилъ—Василій, кипятя въ котелкѣ чай.—Много разныхъ разсказовъ про это мѣсто говорятъ.

— А отецъ Тортоша Манышева давно умеръ? — перебилъ его отецъ Макарій.—Ты знаешь ихъ?

— Знаю. Сапырь, его старшій братъ—охотникъ, сердитый такой, а дядя—камъ. Они всѣ живутъ вмѣстѣ, и въ аилѣ у нихъ всей родни чловѣкъ двадцать... не обрадуются они намъ.

Онъ говорилъ это съ глубокимъ спокойствіемъ, присущимъ алтайцамъ.

— Насъ съ тобой пожалуй побьютъ, какъ обозлятся: въ прошлый разъ они на абыза грозились: Сапырь даже ружье вытащилъ; а дядя камъ—совсѣмъ страшный, глаза дикіе, и всегда точно зябнетъ, зѣваетъ, трясется... говорятъ, его духи одолѣли.

Когда они двинулись въ туманѣ, гремѣла и билась въ узкихъ берегахъ р. Тельдекмень, и они ѣхали медленно, часъ за часомъ, приближаясь къ цѣли.

— Скоро и Белтыр-оэкъ, — сказалъ Василій. — Ты не былъ ранѣе въ этихъ мѣстахъ, отецъ Макарій? — Не былъ! — откликнулся тотъ.. Какая дорога трудная: уже вечерѣтъ.

Но только когда начало смеркаться, они достигли тихаго аила, миновавъ Белтыр-оэкъ, глубокое ущелье котораго осталось въ сторонѣ. Женщины аила склика-ли коровъ, ихъ странные крики летѣли въ тишинѣ. На лай собакъ при приближеніи путниковъ выскочили полуголые дѣти и на порогъ одной изъ трехъ юртъ показался изможденный блѣзною сгорбленный ино-родецъ.

— Вотъ онъ самъ, Тортошъ Манышевъ, абызь... какой худой!.. въ чемъ душа!!

Отецъ Макарій поспѣшно спустился съ лошади. — Эзень (здравствуй)! — сказалъ онъ по-алтай-ски. — Вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ, Тортошъ: меня по-слалъ абызь изъ Чемала... у тебя болитъ душа, а я могу вылѣчить ее и привести къ свѣту изъ темноты.

— Ты абызь? — обрадовался хозяинъ, оглядыва-ясь пугливо. — Тише, тише.. абагая (дядю) затрясла лихорадка: кара-немэ мучаютъ его... я не хочу, чтобы меня такъ мучили, я только боюсь, что Сапыръ оз-лится... охъ, какъ онъ не любитъ васъ, абызовъ! а мнѣ охота тихо жить и слушать, какъ колокола зво-нить будутъ... въ Чемалѣ я люблю колоколъ: онъ ровно зоветъ: „къ намъ... къ намъ“... вонъ, абагая затрясла кара-немэ за то, что онъ имъ камлалъ: они добра не помнятъ, проклятые.

И вдругъ сжался весь, пугливо глядя въ сторону третьей юрты, изъ которой вышелъ высокій плечи-стый инородецъ.

— Сапырь — прошепталъ онъ. — Ой, калак... Сапырь!...

— Ну, и что же? что тебѣ бояться его? — сказалъ мягко отецъ Макарій: — это — тоже темная сила, и ты уйдешь отъ нея, какъ только я тебя увезу... убить онъ насъ не можетъ... иди туда, въ юрту, я тоже приду, а пока я поговорю съ нимъ.

И самъ пошелъ на-встрѣчу мрачному человѣку.

— Ты зачѣмъ пріѣхалъ? Кто ты? — сказалъ тотъ.

— Я тебя тоже спрошу объ этомъ. — съ спокойной кротостью обратился къ нему отецъ Макарій. — Я пріѣхалъ сюда спасти душу Тортоша Манышева.

— А я — его братъ, Сапырь Манышевъ, и не пущу его съ тобою: онъ потерялъ умъ: у насъ такъ бываетъ въ роду... вонъ абагай совсѣмъ рѣшился ума, и его затрясли темные духи, и Тортошъ полоумный: онъ не смѣетъ креститься, никакъ этого нельзя... я не дамъ ему это сдѣлать.

— Онъ — не дитя, и твой старшій братъ; не поднимай кулаки или я подумаю, что настоящій безумецъ, ты, Сапырь... никогда въ аилахъ такъ не принимаютъ гостей, какъ принимаешь ты... слава бы пошла по Алтаю, если бы узнали, что можно найти въ аилѣ Манышева вмѣсто гостепреимства... лучше покажите мнѣ больного кама: у меня есть лѣкарства, и я помогу ему, можетъ быть, немного... завтра сюда пріѣдетъ другой абызь и съ нимъ чиновникъ, бій... къ вечеру они будутъ въ аилѣ. Въ Чемалѣ знаютъ, что я поѣхалъ за Тортошемъ и, если ты тронешь Василю, тебѣ будетъ нехорошо, будетъ тебѣ плохо и тогда, когда ты тронешь своего брата.

Глаза Сапыра угрюмо впились въ молодое спокойное лицо; онъ прошепталъ какое то проклятіе и пошелъ за миссіонеромъ къ отверстію ближайшей юрты. Женщины и дѣти съ любопытствомъ глядѣли на миссіонера, а на ложѣ въ юртѣ зашевелился покрытый шубами камъ и что-то забормоталъ невнятное, поднявъ на вошедшихъ воспаленные бѣгающіе глаза...

Пока Тортошъ суетливо усаживалъ гостя, Сапыръ что-то шепталъ женщинамъ, и тѣ насупились, отведя глаза отъ миссіонера.

— Проклятый такой... проклятый... изъ-за него Ульгень и Эрликъ накажутъ насъ всѣхъ, а Тортошу зададутъ... а ты зачѣмъ тутъ, боламъ? — крикнулъ онъ, увидавъ славнаго крѣпкаго мальчика, своего любимого девятилѣтняго сынишку. — Пошелъ, пошелъ.. нечего тебѣ смотрѣть и глаза пялить, бѣги-ка, ищи козъ: онѣ разбѣжались, подите къ Белтыр-оэку, а то этотъ, — понизилъ онъ голосъ, — околдуетъ васъ такъ, что у васъ вмѣсто головъ вырастутъ шишки... онъ пріѣхалъ колдовать сюда, проклятый; бѣги, уулчакъ (мальчикъ).

И дѣти испуганно отошли отъ юрты, въ отверстіе которой глядѣли на молодого русскаго абыза ихъ любопытные глаза.

Василій принесъ суму. Изъ нея юный миссіонеръ вынулъ лѣкарства, которыя хотѣлъ дать больному, но камъ сдѣлалъ видъ, что уснулъ, и отецъ Макарій сталъ говорить Тортошу о Богѣ, пока Василій кипятилъ чайникъ.

— Вотъ, если бы душу эту темную тронуть можно

было, — говорилъ онъ, указывая на кама, — онъ бы могъ исцѣлиться и безъ лѣкарствъ, которымъ не до вѣряетъ... у нашего Господа есть много святыхъ, они жили ранѣе на землѣ и знакомы имъ всѣ скорби и печали мірскія, а когда Господь ихъ за свѣтлую жизнь взялъ на небо, они у Него въ награду попросили даръ цѣлить болѣзни людей, и кто имъ молится, тому они помогаютъ, исцѣляя отъ болѣзней тѣла и души. Твоего абагая зовутъ Тискинекъ?

— Да.

-- Слушай, Тискинекъ, я, вѣдь, знаю, что ты не спишь и слушаешь; видишь, закатъ догораетъ, и день тухнетъ, здѣсь въ долинѣ уже сумерки, такъ догораетъ и твоя жизнь; какъ день умираетъ вечеромъ и воскресаетъ утромъ, такъ и твоя душа потомъ воскреснетъ, и какъ ей будетъ страшно тамъ, куда попадетъ она, служившая въ мірѣ демонамъ и незнающая Христа! И сейчасъ къ тебѣ, Тискинекъ, приходятъ они, черные, страшные, душа кошмарами, леденя твою душу холодомъ ужаса.

Камъ сѣлъ на свое ложе; его трясущіяся руки протянулись къ миссіонеру, и все зло темной души засвѣтилось въ глазахъ.

-- Замолчи! — захрипѣлъ онъ — замолчи!

-- Нѣтъ, я не замолчу, — сказалъ тотъ, поднимаясь съ сидѣнья. — Призывай ихъ, проклинай, они мнѣ ничего не сдѣлаютъ, ни мнѣ, ни Василию, ни Тортошу, потому, что въ его душѣ живетъ имя Христа. Бѣдный человѣкъ! почему ты отталкиваешь меня? — да потому, что они тебѣ внушаютъ это, тѣ черные духи, которые овладѣли твоимъ тѣломъ и душой, а

Христось, жалѣя тебя, послалъ меня и велѣлъ говорить тебѣ о Своей великой любви, о томъ, что ты его дитя заблудшее, что тебя, который ужасаетъ глаза человѣка видомъ, Онъ любитъ, какъ отецъ... послушай меня...

Но камъ, собирая силы, поднялся и замахалъ, какъ бѣшеный, руками.

— Уйди, уйди... мое сердце горитъ огнемъ; если ты не уйдешь, я кинусь на тебя и вцѣплюсь въ твое горло, перекушу его и стану пить твою кровь.. уходи... уходи...

Страшная зѣвота овладѣла камомъ, его тянуло всего, и онъ корчился передъ блѣднымъ отъ ужаса Тортошемъ и Василиемъ, а отецъ Макарій своимъ мягкимъ голосомъ читалъ молитвы, поднявъ глаза къ темному прокопченному потолку юрты, въ отверстіе которой заглянула трепещущая звѣздочка, первая заблестѣвшая на небѣ, а камъ все трепеталъ на одномъ мѣстѣ: ему дергало глаза, ротъ, руки, и вдругъ изъ перекошеннаго рта хлынула кровь, и камъ, зашатавшись, рухнулъ на ложе.

О. Макарій подошелъ къ нему. Онъ, Василій и Тортошъ уложили кама на ложе и прикрыли его, потомъ отецъ Макарій, оградивъ крестомъ разведенное лѣкарство, хотѣлъ влить его въ полуоткрытый ротъ, но рука Сапыра неожиданно появившагося около нихъ, ударила по его рукѣ, и чашечка съ лѣкарствомъ, выбитая изъ нея, полетѣла на полъ.

— Посмѣй! — прошипѣлъ онъ. — Посмѣй! мы тебя и этого дурака, — плюнулъ онъ на брата, — изъ аила выбросимъ... пой его своимъ пойломъ, а абагая не тронь.

— Ты приносишь ему зло непоправимое... если его не лѣчить, онъ умретъ: припадки ослабляютъ его... я думалъ, что у большихъ людей есть разумъ, а вижу, что его нѣтъ,—съ горечью сказалъ отецъ Макарій.—Ты боишься, чтобы сила Господня не проявилась на немъ, темная душа... зачѣмъ ты угналъ женщинъ и дѣтей? они бы могли послушать нашу бесѣду.

— Намъ некогда тебя слушать,—съ ненавистью воскликнулъ Сапыръ,—убирайся въ юрту этого дурака изъ юрты абагая... я тебѣ говорю: бери свой чай...

— Ступай, веди его,—кричалъ онъ Тортошу.— не то я возьму камчи (плеть) и отпорю васъ; можете жаловаться бію вашему... хоть кому... а тутъ не оставайтесь.

— Ты не хозяинъ этой юрты,—сказалъ ему братъ.—Зачѣмъ гонишь?

Но плеть, которую моментально схватилъ Сапыръ, заставила его замолчать.

Отецъ Макарій схватилъ руку обидчика.

— Не тронь... уйдемъ мы... ты—безсердечный и злой человѣкъ,—кинулъ онъ и ушелъ въ юрту Тортоша.

Туда пришла жена того и сынъ; они долго говорили. Тортошъ рѣшилъ ѣхать въ Чемаль, хотя жена и сынъ прекословили ему.

— Поѣду, поживу—успокаивалъ онъ ихъ.—Я, вѣдь, еще не креститься.

А самъ наивно подмигивалъ миссіонеру, возбуждая въ томъ невольную грусть.

Въ айлѣ не засыпали. Давно уже была ночь, теплая и ясная, и въ ея тишинѣ слышно было, какъ плѣла вода Белтыр-оэка.

— Что-то замышляютъ—вышелъ и вернулся Василій. — Коней осѣдлали, женщина плачетъ тамъ...

— Ужъ не померъ ли твой абагай, Тортошъ?

— Не знаю,—покачалъ тотъ головой.—Я теперь выходить боюся: Сапыръ злой... ой, какой злой!.. можетъ, онъ поѣхалъ въ айлъ за людьми, можетъ онъ насъ бить будетъ съ ними вмѣстѣ.

Лицо Василя немного поблѣднѣло: этотъ спокойный покорный тонъ сородича пугалъ его, а отецъ Макарій сидѣлъ, глядя задумчивымъ взглядомъ въ тишину ночи; у него было грустно на душѣ. Въ отдаленіи прозвучалъ топотъ лошади, голоса, и его глаза невольно обратились на лица хозяина и его семьи и примѣтили мертвенно блѣдное теперь лицо Василя.

— Что это они? почему не спятъ? —спросилъ тотъ.

— Не бойся ничего—спокойно сказалъ миссіонеръ—успокойся и лягъ: у нихъ, видимо, что-то случилось... вонъ, ближе голоса... слушайте, они сами чѣмъ то испуганы, и женщины плачутъ... вонъ, хозяйка идетъ узнать.. иди съ миромъ и я съ тобою: можетъ быть тамъ нужна помощь.

И всѣ потянулись за нимъ и женщиной къ полянѣ среди аила, гдѣ женщины и дѣти поспѣшно раскладывали костеръ.

— Рыбу надо запечь—слышался слабый голосъ кама, а женскій голосъ, рыдая, повторялъ:

— „Мой болам, мой Татир... о, колак... колак... зачѣмъ ты его услалъ, Сапырь? теперъ улюм (смерть) возьметъ его: ок-ділан (змѣя) укусила его ногу... не поможетъ ваша рыба и ядно... ничего не поможетъ... смотри, какъ пухнетъ она...

— Не плачь, Татир... о, колак... колак...

Отецъ Макарій спѣшно приблизился къ толпѣ, онъ раздвинулъ кругъ и увидѣлъ на рукахъ Сапыра, безпомощно сидѣвшаго на камнѣ, тихо плакавшаго мальчика съ поблѣднѣвшимъ личикомъ. Передъ ними сидя у ногъ мужа, рыдала еще не старая женщина.

— Почему вы думаете, что его укусила ок-ділан?—спросилъ миссіонеръ торопливо.—Можетъ быть, простая змѣя?

Сапырь поднялъ на него суровые, теперъ полные скорби глаза, и молча пихнулъ къ нему небольшую бурую змѣйку.

— Татиръ убилъ ее,—сказалъ онъ глухо.

Тогда миссіонеръ быстро обернулся къ Василию.

— Воды и мыло скорѣе.

— А Ты, Тортошъ, неси суму мою сюда...

— Подкиньте хворосту въ костеръ, чтобы онъ былъ свѣтлѣе...

— Не бойся, Татиръ, я тебѣ не сдѣлаю больно—засучилъ онъ рукава,—не бойся, маленькій уулчакъ: ты не умрешь... нѣтъ... нѣтъ...

— Скорѣе, скорѣе, Василій.

Платкомъ онъ накрѣпко перетянулъ смуглую ножку выше колѣна, до котораго почти дошла уже опухоль, поспѣшно вымылъ руки и осторожно об-

мыль ранку, потомъ, на глазахъ изумленныхъ и насторожившихся людей припаль къ ней губами.

— Абызь!—сказаль Василій предостерегающе.— Если тебѣ попадетъ ядъ, ты умрешь.

Но абызь ничего ему не отвѣтилъ.

Глаза Сапыра и матери Татира впились въ эту кудрявую голову, припавшую къ дѣтскому тѣлу.

Отець Макарій выплевывалъ слюну и говорилъ, ободряя мальчика:

— Чутьочку больно... потерпи... вотъ и кровь пошла, слава Богу!.. еще немного потерпи, дитя.

Кама, приплевшагося сюда, опять охватилъ ознобъ, и онъ пошелъ въ юрту, но остановился въ раздумьи, глядя на миссіонера. Можетъ быть онъ сравнивалъ этого юнаго кама русскихъ съ собою, кама-абыза, который служилъ невидимому для него Богу, безконечно милосердному, у Котораго онъ съ юныхъ лѣтъ научился тоже быть милосерднымъ къ тѣмъ, кто творилъ ему зло.

— Теперь масло, Василій... такъ... прибавь его каплю въ камфарное... слава Богу... повязки? онѣ влѣво лежать... хорошо... теперь положи сахару въ воду больше и такъ мнѣ дай куска два... постой я забинтую впередъ ножку и руки вымою.

— Вотъ теперь, Татиръ, ты выпьешь горькую воду, это такъ нужно, но за то я дамъ тебѣ сладкаго.., вотъ видишь?—подалъ онъ сахаръ.

Черные глаза ребенка заблестѣли восхищеніемъ, и онъ доврчиво протянулъ руку за сахаромъ.

— Теперь унесите его,—давъ лекарство мальчику, сказалъ миссіонеръ,—и положите въ тепло, укройте..

я пришлю ему чаю: пусть онъ напьется и вспотѣетъ. Господь поможетъ: не заботьтесь и не скорбите.

Онъ ушелъ въ юрту, чтобы предаться короткому отдыху, но долго не могъ заснуть, а въ юртѣ Сапыра не спали тоже, и самъ онъ, полный глубокой думы, сидѣлъ подлѣ спящаго мальчика, и его робкая жена.

Полоса зари разгорѣлась на востокѣ, и птицы начали просыпаться, издали слышался ройотъ Бельтыр-оэка, впадающаго въ Катунь, но онъ не видалъ и не слыхалъ ничего: его глаза не отрывались отъ дѣтскаго личика.

Ребенокъ вспотѣлъ и сладко спалъ, а между тѣмъ его укусила ок-ділан, укусъ которой причиняетъ смерть. Сапырь сдвигалъ брови: въ его глазахъ стояла кудрявая голова, приникшая къ тѣлу ребенка, голова того, кого онъ обидѣлъ и гналъ отъ себя, даже минутная дремота не одолѣла его: такъ глубока была его дума.

Утромъ абызь пришелъ къ ребенку: мальчикъ проснулся, былъ веселъ и встрѣтилъ его радостно.

— Спасибо, абызь: не больно ногѣ, а гляди, какая большая ок-ділан, самая настоящая! — показалъ онъ на мертвую змѣю.

Отецъ Макарій развязалъ его ногу и перекрестился: опухоль спала совсѣмъ, и ранка не была вовсе воспаленной и засыхала; онъ перемѣнилъ перевязку и сказалъ, обращаясь къ Сапыру:

— Я оставляю тебѣ масла и бинтовъ... видишь, какъ я это дѣлалъ? теперь только нужно, чтобы ранка не засорилась... вчера я, чтобы не дать тебѣ

сдѣлать зла, сказалъ, что сюда пріѣдетъ бій: бій не пріѣдетъ сегодня. Я уже отправилъ въ Чемаль Тортоша и Василя, и ты можешь сердиться и кричать на меня.

Сапырь поднялъ суровые глаза на миссіонера, они встрѣтились съ спокойнымъ взглядомъ кроткихъ и ясныхъ глазъ, но развѣ могло подняться зло въ душѣ Сапыра?

Онъ бросилъ невольный взглядъ на змѣю, валяющуюся на полу, на веселое личико мальчика и полное боязни лицо жены, съ мольбою смотрѣвшей на него, и перевелъ опять глаза на молодое лицо, и вдругъ поднялся, передъ отцомъ Макаріемъ большой и сильный; его губы передернуло: такъ тяжело ему было говорить слова, которыя родились и трепетали въ сердцѣ, но онъ пересилилъ себя.

— Спасибо тебѣ, абызь, — неувѣренно началъ онъ, — за уулчака, за Татира... я злой... прости меня, я потомъ съ нимъ пріѣду къ тебѣ, скоро пріѣду. прости меня, абызь.

И поклонился низко, скрывая взволнованное лицо.

Отецъ Макарій понялъ, чего стоили гордому человеку эти слова; дружески взявъ его за руку, онъ ясно и ласково улыбнулся.

— Спасибо и тебѣ, Сапырь, за ласковое слово. — сказалъ онъ кротко. — За то, что ты позволилъ мнѣ помочь ребенку: я буду ждать васъ всѣхъ въ Чемаль... милости просимъ ко мнѣ, въ мой домъ.

И они оба уже спокойно и довѣрчиво взглянули въ глаза другъ другу.

Катунь обдавала брызгами каменистую дорожку бома Казыл-отру, по которой осторожно шла лошадь отца Макарія. Сегодня угрюмыя скалы и быстрыя струи Катуня казались ему особенно красивыми и особенно яснымъ и теплымъ день; иногда онъ взглядывалъ на небо, безъ отмѣтки синее и глубокое; одиночество не томило его; съ нимъ былъ его Господь, для Котораго онъ пріобрѣлъ душу Тортоша и надѣялся пріобрѣсти Сапыра и его семью, и свѣтлая радость исполненнаго долга заставляла зажигаться теплой любовью его глаза, которыми онъ глядѣлъ на Алтай, на эту страну, въ которую принесъ свои готовыя для подвига душу и силы.

А. Макарова-Мирская.

17-го марта 1911 г.